

Анна Михалевская

Титко Йон

Моя квартира – это вокзал. Отсюда уезжают, сюда приезжают, и здесь все время чего-то ждут.

Так думала я, затыкая уши по самые барабанные перепонки и пытаюсь готовиться к экзамену по геометрии. Остался один билет, я никак не могла понять аксиому и решила вызвать. Но где там!

Звонок разрывался, глуховатая бабушка Ирина пускать гостей не спешила. Взахлеб лая и буксуя на поворотах, на звук уже мчалась болонка Сильва, а за ней пятеро щенков. Но те двери открывать пока не умели.

Аксиому придется отложить. Я захлопнула тетрадь и пошла встречать гостей.

На пороге стояла тетя Франя в кокетливой шляпке и наброшенном на плечо шарфе-марабу. Она кивком поздоровалась и, задрвав подбородок, прошла в кухню – дефиле безбожно портила Сильва, которая то бросалась в ноги, то норовила лизнуть ладонь.

– Франю! – бабушка заулыбалась и засуетилась.

На вылинявшем, некогда голубом кухонном столе оказались все запасы холодильного шкафчика, включая малосольные огурцы и свежее клубничное варенье.

– Титко Йон, мушу тоби росповисты... – начала Франя, и обе бросили на меня заговорщический взгляд.

Ну и ладно. Я поплелась в свою комнату и с обидой дернула ролик. Мы готовились к ремонту года два – старые дверные ручки сняли, а в дырки продели веревку, на обоих концах болтались колесики детских роликов. Друзья посмеивались над нашим

ноу-хау, я смущалась. Тогда мы еще не понимали, каким живым и настоящим бывает все временное.

Я привычно заткнула уши, но аксиома не давалась. Пришлось подслушивать. Это было нетрудно – громкий шепот тети Франи и бабушки разносился далеко в соседний двор...

У бабушки семь братьев и сестер, у дедушки – десять, и семья каждого прошла через нашу квартиру. Титко Йон, так прозвали бабушку острые на язык домашние, первой обустроилась в довоенной Одессе. И потянулась сюда родня из Студеной, затерявшегося на границе с Молдавией украинского села. Все останавливались у Ирины. Спали на сундуках, жили в тесноте, пировали варениками с жареным луком, учились, влюблялись в одних соседак, женились на других, рожали детей. Уезжали. Приезжали. Вместе радовались, вместе скорбели. И говорили – обо всех, – протягивая ниточки к самым дальним, самым слабым...

Микиту, старшего брата, кулачат – отбирают дом и нехитрое хозяйство. Взрослые возвращаются с поля, а дети сидят на пороге уже чужой хаты. И надо сниматься с места, куда-то ехать, все начинать сначала. И уехали, и начали, и потеряли детей в эпидемию «испанки», и родили еще двоих. Микита живет на чужбине и мечтает вернуться в Студеную, а когда на старости лет садится в поезд, не успевает доехать – заболевает в дороге. «З Микиты мае буты вчэна людина, а з Данило – одэський жулик», – говорит священник в Студеной. И оказывается почти прав. Талантливым учителем становится сын Микиты, Алексей. А второй брат, бесшабашный Данило, колесит по всей Украине, только на склоне жизни оседает в Белоруссии...

Одноглазая сестра Варвара, упереv руки в боки, говорит мужу Йосипу: «Лэжы, лэжы! За лэжы не дають одэжы!». Йосип отмахивается и снова берется за Библию. Один из немногих грамотных на Студеную, он толкует Писание и читает молитвы за всех, кто просит... Про «одэжу» печется одинокая сваха Федора: она собирает котомку и едет в Минск – торговать, в дороге ест один хлеб, пирожки не покупает, дорого.

Дочь третьего брата Прокипа, Сулуня, еще только строит дом на опушке леса – кругом пшеница и васильки. Она потеряет мужей в войне – первого на фронте, второго в тылу. И останутся

дочери – Люба и Франя. Спасая детей от голода, Сулуния украдет сноп пшеницы – ее осудят на семь лет. И Люба будет справлять свадьбу без матери...

Коля, младший брат, женится на самой красивой девушке Студеной, Мане. Разводится. Вторая жена – самая некрасивая в селе, Вера. Живут душа в душу, пока Коля не уходит на фронт. Навсегда. Бездетная Маня опекает семью Коли. Когда нет забот по хозяйству – ездит по большим городам. Идет босая по заснеженному Ленинграду, восторженно смотрит на дворцы и мосты. Люди жалеют ее, дают обувь, а она с улыбкой отвечает: «Мэни не холодно, мэни нэ трэба!»...

В общем вагоне не протолкнуться – Оксиния и Степан, уже дедушкина родня, возвращаются в Студеную. Их обкрадывают, забирают одесские гостинцы: рубашки, платочки, конфеты – в селе такого не сыщешь... Сходят с поезда, идут через лес. Дорога долгая, украденного не вернешь. И они делают то, что делали всегда. Степан играет на сопилке, Оксиния пританцовывает и подпевает...

Голоса на кухне переплелись с воспоминаниями, и я уже не понимала, что слышала раньше, а что сейчас. «Надо выучить этот билет», – вяло подумала я, глаза на желтые шары цветов за окном, – их семена бабушка привезла еще из Студеной. Надо. Но не получается...

– Ирина! – вдруг истошно закричала тетя Франя.

Я вскочила, выбежала в коридор. Раскрасневшаяся Франя в сбитом набок марабу лихорадочно рылась в сумке.

– Грдшы украли!

И мы все – бабушка, я и пять щенков – бросились искать деньги. Бабушка со страхом, а вдруг не найдем, я с облегчением – есть повод забыть про геометрию, щенки – за компанию. Перерыли квартиру вверх дном – ничего нет. Ну как ничего, кроме нашего гармидера.

Франя вскинула голову и обиженно поджала губы. Весь ее вид говорил: «От вас, титко Йон, я такого не ожидала!». Я в растерянности принялась бродить по кухне. Наткнулась на странно притихшую Сильву. Та, понимая, что ее застучали с поличным, замерла, зажимая между лапами недоеденный кружевной платок.

Из платка торчали свернутые трубочкой новенькие пятерки и двадцатки. Еще пока целые. Не давая собаке опомниться, я выхватила деньги. Челюсть Сильвы клацнула в миллиметре от пальцев.

В общем, грóшы мы тете Фране вернули, но уехала она недовольная. Может, Сильве надо было извиниться, но собака даже не вышла прощаться... Впрочем, тетя Франя быстро оттаяла. Каждый Новый год она присылала в дождливую декабрьскую Одессу огромную елку. А с ней – запах леса и праздника. Елки оказывались слишком высокими даже для наших сталинских потолков – тетя Франя делилась всем с лихвой...

На экзамене мне выпал билет с той злополучной аксиомой. Как ни странно, сдала его на отлично – повторив вызубренное... Тогда казалось, что гости нашей квартиры и их разговоры – это фон к моим важным делам: книгам, влюбленностям, учебе и дискотекам. Хотелось сосредоточенности и самостоятельности. Но что можно знать в пятнадцать о важных делах?

Ролики давно заменили обычными ручками – квартира пережила не один ремонт. Но временами, когда вхожу на кухню, я вижу стол с голубой столешницей, бабушку в ситцевом платке, она сидит в самом теплом углу, положив руку на радиатор. Босоногая Маня хлопчет у плиты. На пороге неловко топчется сгорбленная под тяжестью мешка Федора – никто уже не вспомнит, сколько ей лет, и сколько из них она тащит этот мешок. По коридору летит суматошная Франя, с шиком перебрасывая через плечо шарф-марабу. Нараспев, как Йосип Библию, читает древняя Варвара газету. А в зале пляшет Оксиния – мелькает из-под рясной юбки вышитый подол... На вокзале всегда так. Одни ждут, другие уезжают, третьи приезжают. Через нашу квартиру до сих пор проходят поезда – в прошлое и будущее большой бабушкиной семьи.

Я слушаю стук колес, гомон тысяч голосов и все еще пытаюсь понять аксиому. Хоть к геометрии она не имеет никакого отношения.

